

ускорь их выезд. Истина так страшна, что хочу подняться, чтоб не растеряться окончательно. Может, глупо, что мы приехали, – любовь к Тате и страх за нее заставили все бросить – Мейз(енбуг) должна помогать насчет Лизы, чтоб я могла ходить за Татой, – верь в мою любовь, в мое страстное желанье видеть ее здоровой...

Не сердись же на Г(ерцена), раздраженье – следствие его болезни... Отстрани раздражительные разговоры – с любовью... скажи то же Мейзенбуг – может этот удар отозваться для нас новым несчастьем – проси у Мейз(енбуг) для меня ее помощь и дружбу – во имя Таты и Г(ерцена). – Без глубокого единства мы не выйдем из этого страшного испытания – Г(ерцен) скрывает, как он поражен, но я слишком его знаю, чтоб не понять, что происходит в нем.

Прощай, дай руку – у меня нет слов, чтоб тебе выразить весь мой ужас – всю мою боль.

Саше¹

¹За это письмо Саша поблагодарил Нат.Ал. в постскриптуме к письму отца от 3 ноября (см. ХХХ, 237).

Г.Н. ВЫРУБОВУ

Публикация Е.Л. Рудницкой

Имя Григория Николаевича *Вырубова* (1843–1913), видного последователя О. Конта, издателя (совместно с Э. Литтре) парижского журнала “Revue de la Philosophie Positive” – “Сент-Жюста позитивизма”, как иронически назвал его Герцен (ХХХ, 224), – довольно часто мелькает в письмах последних лет жизни писателя. Об их знакомстве, состоявшемся в 1865 г., и о взаимоотношениях писал Н.И. Андиферов в предисловии к публикации писем Вырубова к Герцену (“Лит. наследство”, т. 62, с. 55–56). Несмотря на серьезные идейные расхождения, Герцен до конца жизни сохранял с Вырубовым дружеские и деловые связи. Не последнюю роль играл в этом характер Вырубова: “Если б не его добродушие и незлобие, – писал Герцен Огареву в октябре 1869 г., – я перестал бы к нему ходить” (ХХХ, 224). К Вырубову была расположена вся семья Герцена. Во время его смертельной болезни Вырубов являлся для нее надеждой и опорой. За несколько дней до катастрофического исхода Наталья Алексеевна писала Огареву: “Вырубов более всех принимает участие и помогает” (“Лит. наследство”, т. 63, с. 482). Не случайно стал он и одним из душеприказчиков Герцена.

Публикуемые письма относятся к 1870–1871 гг. Он посланы были из Женевы, куда переехала из Парижа в конце февраля 1870 г. Тучкова-Огарева, и свидетельствуют о полном доверии вдовы Герцена к его молодому другу. Она видела в Вырубове человека, на которого может положиться как в решении личных проблем, так и – главное – в делах, связанных с судьбой литературного наследия Герцена и с увековечением его памяти.

Над французскими переводами произведений Герцена Тучкова-Огарева начала работать в последние годы его жизни. После его кончины она занялась ими особенно усердно. Много времени уделяла она и подготовке к печати его неизданных трудов, а позднее – так называемого “женевского” собрания сочинений, вышедшего в 1875–1879 гг. под редакцией Вырубова.

14 февраля 1870 г. старшая дочь Герцена сообщала из Парижа Огареву: “Natalie (<...> никогда не выходит, целый божий день сидит – то переписывает, то переводит...” В этой работе участвовал и Вырубов. Он, – продолжала дочь Герцена в том же письме, – “помогает Natalie переводить, и переводит он очень скоро и хорошо” (“Лит. наследство”, т. 63, с. 484).

Переводы эти вначале предназначались для парижских периодических изданий. Как видно из публикуемого письма от 21 июля, какая-то часть подготовленного перевода к тому времени уже увидела свет. В отношении остального предпринимались при содействии Вырубова дополнительные усилия. Результатом переводческой работы Тучковой-Огаревой явилась вышедшая в 1871 г. в Женеве на французском языке книга “Письма из Франции и Италии (1847–1852), переведены с русского г-жой Н(аталией) Г(ерцен). Издание детей автора” (Наталья Алексеевна с 1869 г. носила, как известно, фамилию Герцена). Она участвовала и в подготовке “Сборника посмертных статей Александра Ивановича Герцена”, отпечатанного в конце 1870 г. в женевской типографии Л. Чернецкого. На книге указано: “Издание детей покойного”. С подготовкой первого собрания сочинений Герцена в издании Георга, несомненно,

связана и обращенная Натальей Алексеевной просьба к Вырубову прислать для необходимых уточнений экземпляр “Недели” с очерками “Скуки ради” – последним подцензурным выступлением Герцена в русской печати. Другая просьба в том же письме – передать И.С. Тургеневу, что рукописи переводов Герцена, с которыми Тургенев собирался ознакомить парижских издателей, пересланы ей Вырубову в Женеву.

Особенно интересны те письма Тучковой-Огаревой к Вырубову, в которых идет речь о делах, связанных с русской революционной эмиграцией в Женеве (с Огаревым, Бакуниным, Нечаевым), о их взаимоотношениях, а также о выпускавшихся ими периодических и непериодических изданиях.

Переезд Тучковой-Огаревой в Женеву был в значительной степени связан с решением старшей дочери Герцена включиться в революционную деятельность и участвовать в воссоздании “Колокола” под руководством Огарева и Бакунина. В “послании” Бакунина к “обеим Natalies”, датированном 21 февраля 1870 г., он апеллировал к их долгу во имя продолжения дела Герцена: “Мы все думаем о том, как бы, совокупными силами, продолжить дело Герцена, переведа его, сообразно с потребностями времени и настоящего положения, из теории на практику (...) Мы хотим воскресить “Колокол” – лучший памятник, который можем поставить ему, – помогите нам (...) Делайте с нами вместе русское дело (...) Соберитесь, соберемся все вокруг Огарева, нашего святого старика, лучшего друга Герцена, и будем с общего совета делать каждый, что умеет, что может, для освобождения русского народа” (“Лит. наследство”, т. 63, с. 486–487). Лучшим комментарием к посланию служат написанные в те же дни письма самого Бакунина, адресованные Огареву. Бакунин настаивал в этом духе и Огарева. Участие в “Колоколе” “обеих Natalies” (возобновление его было давно задумано им и Нечаевым) и обеспечивало как материальную базу, так и моральный престиж газеты.

Как выясняется из части дневника Н.А. Герцен, опубликованного в “Литературном наследстве” (т. 96, с. 440–460), это письмо Бакунина “к обеим Natalies”, было передано ей Огаревым на следующий же день после их приезда в Женеву. Повлиять на Наталью Алексеевну и склонить ее к участию в “Колоколе” не удалось, и она сразу же возвратила письмо Огареву. Во второй половине марта в Женеву приехал Бакунин для окончательного решения вопроса о программе задуманного им издания. Н.А. Герцен оставила в своем дневнике выразительное описание бурных споров, возникших при этом между Нечаевым, Бакуниным и Огаревым и закончившихся, несмотря на упорное сопротивление Огарева, принятием программы, на которой настаивал Нечаев – “издавать газету *пеструю* или *бесцветную*, так, чтоб всех озадачить, чтоб лица всех партий безразлично могли писать в ней^{125*} – конечно, с тем, чтобы выражать свое недовольство или свою ненависть против русского правительства” (там же, с. 456). Бакунин уговорил Огарева “попробовать, что выйдет из такого фокуса”. К этим записям Н.А. Герцен буквально примыкает первое из публикуемых писем Тучковой-Огаревой, написанное вслед за событиями 25 марта, т.е. за неделю до выхода в свет первого номера “нечаевского” “Колокола”.

В отличие от дневника Н.А. Герцен, воссоздававшего события двухмесячной давности, письмо Тучковой-Огаревой – сиюминутное свидетельство о происходившем, во всем его драматизме и психологической достоверности. Сообщая Вырубову о возобновлении “Колокола”, она называет эту “партию” “Народной расправой”, “которая именует себя революционным обществом...”, а Огарева и Бакунина “вместе с маленьким Нечаевым” – “агентами этой партии”. Таким образом, она заранее разоблачила лживость подзаголовка, который Нечаев поместил вслед за названием “Колокол”, так и не добившись согласия Н.А. Герцен поставить свое имя: “Орган русского освобождения, основанный А.И. Герценом (Искандером)”. Тучкова-Огарева была прекрасно осведомлена об отношении Герцена к прокламационной кампании, развернутой Нечаевым, Бакуниным и Огаревым. Прокламации, увидевшие свет уже после кончины Герцена, были в еще большей мере отмечены печатью авантюризма и прямым мистификаторством. За горечью ее возражений явственно проступает реальное положение дел. В оценках и суждениях Тучковой-Огаревой слышится отзвук и герценовского голоса.

Последние месяцы жизни Герцена представляли собой упорное противостояние ложному направлению, на которое нечаевско-бакунинская пропаганда толкала русское революционное движение. “Игра в революцию” – эти слова Герцен не раз с упреком обращал к Бакунину в “Колоколе”. “Колокол”, как его задумал Нечаев, – это продолжение “игры”, и Тучкова-Огарева в целом была права, возлагая ответственность за это главным образом на Бакунина. Отчасти справедлив и ее горький отзыв об Огареве, разделяемый с Бакуниным ответственность за пропаганду, которая была развернута по инициативе Нечаева. Огарев действительно был

^{125*} В печатном тексте опечатка: в нем. – Ред.

ее деятельным участником. Тучкова-Огарева с явной предвзятостью заявляла при этом, что он больше не спорит, не рассуждает, а только “верит и делает”. Между тем, дневник Н.А. Герцена достоверно свидетельствует о том, что Огарев отчаянно спорил, а дальнейшая история газеты делает очевидной упорно проводившуюся Огаревым линию на приближение нечаевского “Колокола” к старому “Колоколу”, его стремление придать газете последовательно социалистический и революционный характер.

Отзвуки суждений Герцена заполняют все письма Тучковой-Огаревой к Вырубову. “Что сказал бы он?” – Этот вопрос задает она в связи с начавшейся Фрако-пруссской войной. Мысли Герцена, литературные предприятия и издания, связанные с увековечением его памяти, организация средств, для сооружения надгробного изваяния, воспитание дочери Лизы – и просьба к Вырубову дать совет, опять-таки в ознаменование “той огромной любви, которую питал к ней отец” – этим заполнены обрамленные траурной рамкой листки, на которых пишет вдова Герцена.

Письма публикуются по автографам ГЛМ, хранящихся в Институте истории РАН (Москва) и переданных туда профессором Оксфордского университета Е. Лампертом (получены им от зарубежных потомков Вырубова). – Отметим, что в РГАЛИ хранятся автографы 6 писем Вырубова к Тучковой-Огаревой за 1875–1876 гг. (ф. 359, оп. 1, ед. хр. 226).

Перевод с французского

1

25 марта 70 г. Пансион Магена.

Franchée du Plainpalais. Женева

Милостивый государь,

Являюсь к вам, чтобы поблагодарить вас за доброе ваше письмо и советы¹. Опасаюсь за Лизу не вследствие климата, тем более, что мы должны поехать только на лето, а осенью возвратиться, но, как и вы, я испытываю почтение перед пастыю льва. За четырнадцать лет отсутствия и свободной жизни в Англии я несколько поотвыкла от бесцеремонности нашего правительства.

Поразмыслию над вашим советом, мне недостает мужества оставить Лизу, у меня нет никого, кому я могла бы ее доверить.

Разделяю ваш взгляд на эмиграцию, но ведь существует столько же партий сколько личностей – и менее всех симпатична мне та, что называется *Народной правдой*, та, что именует себя революционным обществом и издает русскую газету под названием “Колокол”. Огарев и Бакунин – агенты этой партии, вместе с маленьким Нечаевым. Александр² протестовал частным образом против этого названия, но его не послушали. Неплохо было бы, если б иностранная печать поняла, что истинный Колокол не может более звучать; что поскольку Колокол издается на русском языке, она о нем никогда и понятия иметь не будет, так же, как никогда не узнает и о Бакунине, потому что все его противоречивые брошюры и прокламации предназначены лишь для нас; мне очень хотелось бы увидеть их переведенными на французский язык, и я удивляюсь, что он так мало старается вызвать всеми своими творениями восхищение у западных людей. Сейчас он здесь, и поэтому потребность конспирировать вокруг него усилились – бедный Огарев, он один из самых беспокойных людей. Тяжко пережить тех, кто нам всего дороже, но еще ужаснее пережить самого себя, как это происходит с Огаревым. Он больше не спорит, он больше не рассуждает – он верит и действует... Если бы вы были здесь, я чуть не сказала, что рассмеялась бы, – но нет, это невесело, ведь есть жертвы, и потом, во всем, что делается вокруг меня, я так сильно ощущаю это огромное, это ужасное отсутствие. Он³ мешал играть в Революцию, как играют дети, готовя куклам обед; но нынче все словно с цепи сорвалось, нет больше сдерживающей руки, нет больше здравого смысла. Бакунин воспользовался этой смертью, об этом говорить ужасно, но это так. – При жизни они не могли овладеть им, они хотят это сделать ныне; они отобрали у него “Колокол”, но звонить в него должным образом не сумеют.

Простите эту длинную тираду, она вырвалась неволью. Это Тата и я пожелали, чтобы проведение подписки на памятник было поручено вам; та же мысль была и у

сих господ, но дело в том, что, по нашему мнению, ни Огарев, ни кто другой из семьи не мог бы этим заняться, и потом, кто знает, какова расстановка сил в этом обществе? что же касается женевских эмигрантов, то они друг другу не доверяют⁴.

Вы не говорите, чем вы больны, — снова ли горловая болезнь — здесь температура то и дело меняется. Выздоровливайте же поскорей и не выходите из дому с лихорадкой. Жму вам руку, еще раз спасибо.

Н. Герцен

P.S. Тата и Лиза напоминают вам о себе теплым приветом, не приедете ли вы нынешним летом в Швейцарию, мы были бы очень довольны снова видеть вас.

¹ Это письмо Вырубова к Нат.Ал. неизвестно. Очевидно, он советовал ей съездить в Россию, куда ее настойчиво звали родные (см. АО, 71–72).

² А.А. Герцен.

³ Т.е. покойный Герцен.

⁴ Сбор средств на надгробный памятник Герцену был сосредоточен в руках Вырубова.

2

31 мая 1870 г. Сен-Жан-ла-Тур.

Загородный дом г. Баумгартнера в Сен-Жане.
Женева

Дорогой господин Вырубов,

Припоминаю, что у вас сохранились еще кое-какие связи с русскими: не согласились ли бы вы ознакомить их с приложенным к сему листком, который объяснит вам незаконный арест одного русского и заключение его в тюрьму?¹ Я считаю долгом русских и вообще друзей свободы отдать все, что в их средствах, для процесса, который вскоре будет возбужден этим русским против женевского национального правительства.

Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я к вам обратилась; ведь вам хорошо известно, что я не разделяю мнений г. Нечаева и компании, но в данном случае вопрос этот имеет общий характер, который не может не вызывать у меня интереса.

Не сочтите с моей стороны за нескромность откровенный вопрос к вам — спросу вас, какова причина задержки публикации наших переводов; мне очень хотелось бы, наконец, увидеть их вышедшими в свет.

Жду с нетерпением вашего ответа по поводу процесса и не сомневаюсь, что он пробудит в вас интерес.

Сердечно жму вам руку.

Всецело преданная вам ваша Н.Г.

P.S. Тата и Лиза все надеются, что вы хоть ненадолго посетите нас нынешним летом, когда Париж станет невозможным для пребывания. Они кланяются вам. Привет от меня г. Спринку, если он еще в Париже. Эта газета “Народное дело” не имеет никакого отношения к упомянутому процессу — у нее к нему такой же интерес, какой в таком случае должен проявлять каждый.

Я все еще не поблагодарила вас за наши вещи — они беспрепятственно прибыли к месту назначения.

¹ Нат.Ал. прислала Вырубову особое Прибавление об аресте и процессе С.И. Серебренникова, которое прилагалось к л. 3 “Народного дела” от 31 мая. Оповещение об этом Прибавлении помещено непосредственно под заголовком. В следующем, 4-м номере газеты была напечатана заметка “Арест Семена Серебренникова в Женеве”, вероятно, повторяющая текст, данный в виде Прибавления. Это был рассказ Серебренникова, изложенный им в Объяснительной записке от 25 мая и написанного по настоянию Огарева после освобождения от незаконного ареста. Арестован Серебренников был потому, что его ошибочно приняли за Нечаева. 27 мая агент III Отделения К.А. Романн, втершийся в эмигрантскую среду, доносил из Женевы своему начальству в Петербург, что в этот день он посетил Огарева и застал его в сильном волнении в связи с делом Серебренникова. “Он (...) показывал мне копию письма, написанного им по сему поводу к здешнему президенту Камперо (...), — писал агент. — Это есть резкий протест против женевской полиции, которая основала свои действия на показании шпиона... Получив это письмо, Камперо приходил к Огареву, успокаивал его, прося не придавать важности происшедшей ошибке, но Огарев не

хочет отстать и, конечно, под влиянием Бакунина затевает процесс...” (Р.М. К а и т о р. В погоне за Нечаевым. – К характеристике секретной агентуры III Отделения на рубеже 70-х годов. Второе исправленное и дополненное издание. Л.–М., 1925. С. 79). Аресту Серебренникова посвящена была и специальная брошюра – “Les ours de Vert”, в которую включено было письмо Огарева к Камперно (см. “История социально-революционного движения в России 1861–1881”. Глава десятая. СПб., 1887, с. 9). Процесс, начатый Серебренниковым, был им проигран.

3

(Сен-Жан-ла-Тур. 21 июля 1870 г.).

Милостивый государь,

Вчера я распорядилась послать по вашему адресу через нашего книготорговца брошюру О(гарева)¹. Оставьте все эти книги у себя сколько вам понадобится, боюсь только, что вы не скоро их получите, ибо книготорговец предупредил меня, что в настоящее время почта за доставку почти не отвечает.

Вы ничего не говорите о войне; впрочем, что можно о ней сказать? Человеческое безумие ошеломляет, где ему границы? Невольно я еще больше думаю эти дни о том, кто покинул нас так внезапно². Что сказал бы он? Несомненно, он был против всякой войны, но порой он говорил, что Европе необходим толчок, чтобы выйти из своего оцепенения. Вооруженный мир тоже являл собой истинное разложение. Мы не знаем, где Ольга; она сообщила нам о своем отъезде из Эмса; можете себе представить, как мы обеспокоены тем, что она сейчас там.

Я хотела снова поговорить с вами о переводах³ (немножко боюсь, что вам это уже надоело), я писала Элизе Р(еклю)⁴, но непохоже, чтоб он очень торопился; у него хорошее извинение – его новая женитьба; одним словом, не по мне быть настойчивой со всеми подряд, я неделаю только с друзьями: итак, если, попросту говоря, вы не можете поместить, разумеется, без вознаграждения, в виде фельетонов в парижских газетах остальные переводы, доставьте мне удовольствие и пошлите их, за исключением “Доктора”, *2-ну доктору Косту в Монпелье*. Он еще раз поправит их и сможет поместить в “Liberté de Montpellier”. Этого адреса вполне достаточно, я в переписке с г. Костом, и он сам предложил мне отредактировать мои переводы. Я хорошо знаю, что война поглощает все внимание публики, но газеты, тем не менее, вынуждены заполнять место, отведенное для литературных произведений.

Русский, который принес 1700 франков на памятник Герцену, был обрадован, узнав, что вы охотно откликнулись на нашу просьбу.

До свидания, простите за все хлопоты, которые я вам доставляю.

Наталья Герцен

Р.С. Ога(рев) и Бак(унин) теперь уже протрезвились, да несколько поздно – деньги были самым неудачным образом употреблены. Неизвестно, то ли Нечаев фанатик-подлец, то ли попросту провокатор, вербуемый для Сибири.

¹ Брошюра (по существу – листовка “Будущность (Посвящается памяти А. Герцена)”. О поступлении ее в продажу сообщалось в № 3 “Колокола” 16 апреля.

² Как всегда в подобных случаях, Тучкова-Огарева имеет в виду Герцена.

³ См. вступительную заметку к наст. публикации.

⁴ Это письмо остается неизвестным.

4

(Женева.) 10 июля 71 г. Пансион Сютерлен,
Quai du Lesonne, 80, Пакз

Дорогой господин Вырубов.

Сердечнейшим образом благодарю вас за пересылку рукописей. Письмо ваше доставило мне большое удовольствие, из него я увидела, что матушка ваша поправилась; в одном из своих писем я осведомлялась у вас об этом, но вы мне ничего не ответили – быть может, письмо затерялось?

Что касается “Сборника”¹, то мы не так уж виноваты, как кажемся, — когда книга эта вышла, Париж был закрыт, — потом я от вас получила несколько строк, прибывших из Намюра и сообщавших мне об отъезде вашем в Россию. Потом Париж был снова закрыт², и я не знала о вашем возвращении — позднее русская книга несколько позабылась из-за новых изданий; если бы не эти обстоятельства, вы можете быть уверенны, что получили бы его первым — как имеющий из всех наших друзей больше всех других прав. Письмо мое придет несколькими днями раньше “Сборника”, который я должна забрать у нашего переплетчика. Через несколько дней мы ожидаем Алек(сандра), который едет в Париж с г. Гуго Шиффом, чтобы покончить дела с наследством. Разумеется, вы их увидите — мне вы доставите огромное удовольствие, если скажете им или непосредственно мне свое мнение о воспитании Лизы — для меня это важнее, нежели ее имущественное положение, и надеюсь, что вы простите мое желание узнать ваше мнение; вы не можете, полагаю я, относиться к Лизе с полным безразличием; вы должны были слишком хорошо заметить ту огромную любовь, которую питал к ней отец. Поймет ли она когда-нибудь всю бесконечность своей утраты? — ибо незачем обманываться, я никогда не смогла бы заменить ей его рядом с ней. Я думала провести несколько лет в Германии, чтоб она могла воспользоваться немецкими школами, которые, говорят, там лучше, нежели в любой другой стране, — но боюсь, как бы она не позабыла те четыре языка, которые более или менее знает; в Германии преподавание ведется исключительно по-немецки. Здесь же школы и даже курсы весьма поверхностны, имеешь награды и дипломы, но знаний получаешь мало.

Какое длинное письмо! тысячу раз простите — хочу надеяться, что мы увидим вас осенью, тогда сможем лучше поговорить на эти темы...

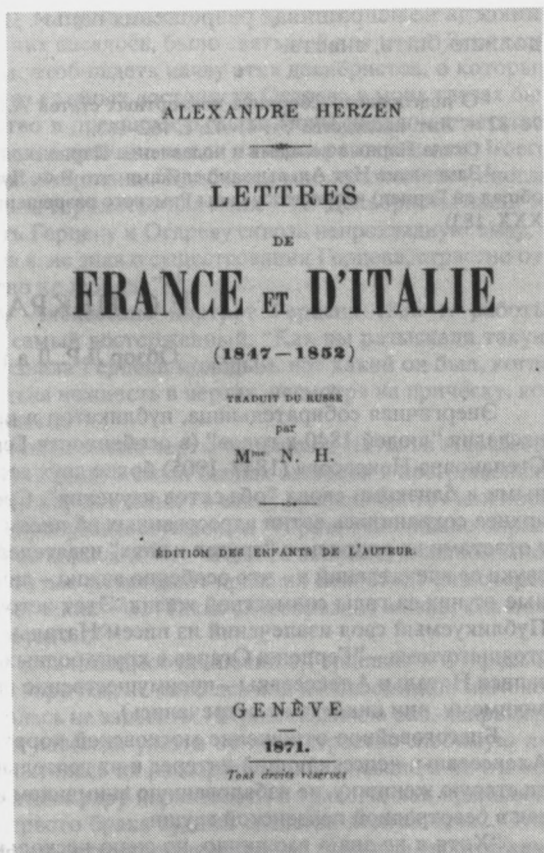
Жму вашу руку, Тата и Лиза делают то же.

Н. Герцен

P.S. Огарев чувствует себя неплохо — он ходит намного лучше, чем в прошлом году, но болезнь его продолжается по-прежнему.

Если Тургенев попросит у вас рукописи, чтобы показать издателям, окажите мне удовольствие сказать ему, что вы их мне уже отправили в Женеву. Еще одна просьба: не могли ли бы вы прислать мне “Неделю”, где помещены “Скуки ради”? они мне понадобятся для поправок.

Нас навестил Лугинин с женой. Он кажется очень счастливым и утверждает, что

ГЕРЦЕН. ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ
Французский перевод Н.А. Тучковой-Огаревой. Издание детей
автора. Женева, 1871

Обложка

Имя переводчицы скрыто под инициалами “M(ada)me N.H.”
 (“M(ада)м Н(атали) Г(ерцен)”)

никогда не испрашивал разрешения папы³. Доктор Белоголовый тоже женился – вы, должно быть, знаете.

¹ О подготовке “Сборника посмертных статей А.И. Герцена” и вмешательстве Нечаева см. в АО, 78–82 и “Лит. наследие”, т. 41–42, с. 162–163.

² Осада Парижа немцами и подавление Парижской коммуны версальцами весной 1871 г.

³ Замечание Нат. Ал. вызвано слухами, что В.Ф. Лугинин будто бы отправился в Рим, чтобы (как общал ей Герцен) испросить у папы Римского разрешения (для жены) выйти замуж за православного (см. XXX, 183).

Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Обзор Л.Р. Ланского

Энергичная собирательница, публикатор и исследователь творческого и эпистолярного наследия “людей 1840-х годов” (в особенности Герцена и Огарева) и их биограф, Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) более двух десятилетий деятельно переписывалась с родными и близкими своих “объектов изучения”. Среди разнообразных документов ее личного архива сохранились сотни адресованных ей писем Натальи Алексеевны *Тучковой-Огаревой*¹ с ответами на вопросы о “трудах и днях” издателей “Колокола”^{126*}. В основе этих писем – отзвуки ее впечатлений и – что особенно важно – личные суждения Герцена и Огарева, слышанные от них за годы совместной жизни. Этот источник до сих пор оставался малоизученным. Публикуемый свод извлечений из писем Натальи Алексеевны прямо соответствует теме настоящего тома – “Герцен и Огарев в кругу родных и друзей”. В обзор включены и мемуарные записи Натальи Алексеевны – преимущественно написанные специально для Некрасовой (повидимому, они никогда не встречались).

Благоговейное отношение московской корреспондентки к великим спутникам Натальи Алексеевны, неиссякающий интерес к их деятельности и душевной жизни умиляли и радовали старую женщину, не избалованную вниманием и дружеской симпатией и доживавшую свой век в безотрадной пензенской глуши.

“Хотя я не знаю вас лично, но знаю несколько по вашим статьям...” – писала Тучкова-Огарева Некрасовой 4 июня 1892 г., в начале знакомства³. “Ваши письма оживляют меня, я живу вашими письмами”⁴... “Ваши (письма) я храню, как святыню (...) Я очень люблю к вам писать – это просто разговор задушевный”⁵.

Подобного рода признания полны ее письма, особенно в первые годы знакомства.

Отношения установившиеся между обеими женщинами, несмотря на значительную разницу в возрасте (Некрасова была моложе Тучковой-Огаревой на восемнадцать лет), вскоре приобрели исключительную сердечность. Корреспонденток роднило не только преклонение перед памятью Герцена и Огарева, но и общность демократических убеждений⁶. “Вы все говорите, что мои письма хороши, – это не то, это просто сочувствие, отзвук большого сердца на вашу боль”⁷... “Если вы могли назвать радостью знакомство со мной, то мне как же выразиться, когда встречаю хоть в печати сочувствие к добровольным изгнанникам, так радостно-больно, так что любишь того, кто напоминает о них”⁸... Благодарю вас за то, что заставляет страдать, переживать вновь”⁹... “Да, вы мне дороги, бесконечно дороги, потому что вы заняты ими, постоянно ими, вы любите их, хотя и не знали их; вы хотите, чтоб их любили и помнили, – а как их скоро забыли. Я всегда готова с радостью отвечать на все ваши вопросы”¹⁰... “Во всех моих поступках и делах мысль о них меня никогда не оставляет, – я живу, дышу по их указанию и радуюсь, когда думаю, что они бы радовались”¹¹... “Вы мне так симпатичны любовью к ним”¹²... “Я не дивлюсь нашей близости с вами; согретые одним лучом солнца, мы должны понимать друг друга, – я дивлюсь, что так долго не знала, что вы есть”¹³... “Я люблю, когда вы меня спрашиваете о них, я всегда об них думаю, но зачем же благодарить – это так естественно”¹⁴... “Почему не позволяют печатать их сочинения? Как скоро их забыли все – напоминайте, это святое дело”¹⁵... “Вы жалеете, что мы не в одном городе, вы и так мне много облегчаете жизнь, кому же бы я высказала то, что накапливает на сердце, – и как бы они ценили, если б могли знать все, что вы делаете для меня, – так много, что я даже забываю благодарить”¹⁶...

«Читая ваше последнее письмо, я еще лучше поняла, какое родство между нами: как вы

^{126*} Письма Некрасовой к Тучковой-Огаревой до нас не дошли. Пока известно лишь одно из них – от 6 мая 1903 г., на личные темы².